

Современность и новоевропейский acting out

Научный руководитель – Ханова Полина Андреевна

Журавлев Михаил Дмитриевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра онтологии и теории познания, Москва, Россия

E-mail: michelvermichelsky@gmail.com

В последние несколько десятилетий в философии складывается особое настроение. Мы имеем в виду, в первую очередь, проекты АСТ и спекулятивного реализма, а также движения ингуманизма, акселерационизма, различные перформативные теории и др. Этим настроением отмечена легкость в решении проблем, которые приобрели в Новое время очертания, наделившие их, с одной стороны, одержимым характером настоятельности, а с другой, предопределили ход их решения как заведомо заводящий в тупик. Впоследствии эти проблемы служили пунктами огибания, смещения, дискредитации, переопределения. Над всеми этими операциями, однако, нависала угроза того, что они окажутся лишь субститутом решения. Оставленность в прошлом рисковала обернуться иллюзией движения, истина которого - отодвигание и отсрочка. Чем более пытались показать, что проблемы эти ложны и не заслуживают внимания, тем в большей степени суэта вокруг них - непосредственно или поодаль - возрастала. Тренд современной философии - для удобства будем использовать эту демаркацию - в том, чтобы с ними покончить, не оказавшись, однако, в ловушке их нескончаемого притяжения, но, напротив, в решении переиграть их власть себе на пользу.

Однако доселе немислимая простота ответов и их тяготение к тому, чтобы не только переопределить конвенции, но и сформировать новое пространство очевидности и здравосмысленности, указывает, что значение некоторых ключевых философских решений простирается далеко за пределы теоретических интуиций и концептуальных ходов. Выбрав в качестве фигур референции Б.Латура и К.Мейясу, авторов, показавшихся для обсуждения нашей проблематики в достаточной степени репрезентативными, мы выдвигаем гипотезу, согласно которой ресурсом современной философии становится историческое время, а его использование оказывается возможным в связи с синхронизацией с тем темпоральным регистром, в котором нововременная история обретает исход в форме огромного acting out'a.

Вхождение в Новое время сопровождается удвоенным сомнением: вопрос сам ставится под вопрос. Однако закольцованная рефлексия над вопросом или проблемой в форме вопрошания или проблематизации своим эффектом может иметь лишь нечто грамматически им изоморфное. Базовым коррелятом этой фигуры выступает возвратно- поступательный характер движения философской мысли, в силу которого её спираль бесконечно вворачивается в себя. Поэтому философская реакция в форме радикального по своей форме ответа означает в то же время приостановку круга и разрыв рефлексии (отсюда её поверхностная нерелексивность). Возможным такой маневр делает операция смещения, однако, не смещения вдоль контура проблематизации, а, скорее, пустого смещения темпоральности.

Последнее реализуется в форме логического разрыва, внутреннего прыжка истории, не заключающего пари с пропастью, но, скорее, порождающего её коллапс. Отсюда - попытка переиграть один из главных мотивов философии последних двухсот лет: преодоление

метафизики претерпевает сдвиг и реализуется в модусе «как если бы уже случившегося» (склонность к манифестарности современных философских высказываний - тому свидетельство). Как если бы ответы и решения были налицо, как если бы метафизика выдохлась, как если бы её заводящие в тупики диспозиции нас более не затрагивали. Имманентная невозможность этих операций - ключ к их про-активному разрешению.

Примечательно, в связи с этим, что как Мейясу, так и Латур, сколько бы различными - в плане методологии, практики и патетики - их проекты не были, сходятся в том, что, обнажая тупики, порожденные в определенный момент движением философской мысли, и обличая увертки, предпринятые с тем, чтобы мимо этих тупиков проскользнуть, направляют фокус своей теоретической тревоги на пункт, координаты которого можно задать на оси исторического времени. Пунктом этим является, конечно, Новое время, т.е. момент, когда тот, кто провозгласил себя - весьма двусмысленным образом - его субъектом, взял на себя, возможно, непосильную ответственность его обоснования.

Именно тогда, вероятно, завязываются специфические, сложные и запутанные отношения с историей и со временем, породившие немало трагических парадоксов на пути своего развития. Именно эти отношения порождают у указанных философов аффект, с которым желание, организующее современный стиль мышления, соотносится как извращенное желание «возврата», желание извращенного возврата или возврат желания извращенным (что означает - желание, которое в разочаровании павшими грезами прошлого, может надеяться на возврат, лишь его не желая; возврат, чтобы быть желанным, должен быть чем-то иным в отличие от себя; философия, чтобы удержать себя, должна вступить в некое революционное отношение со своей изнанкой).

Прочитывая современную философию на уровне акта высказывания, можно было бы трактовать заявление Латура о том, что Нового времени не было, как выражение желания видеть его не сбывшимся, желания скрыться от гнета его последствий, одновременно признавая их: в параллаксном движении взгляда пересечь историю, чтобы оказаться на другой её стороне. Можно было бы увидеть в манифесте Мейясу, утверждающем контингентность всего сущего, намерение развеять нововременную иллюзию, открыть глаза на то, что невозможно увидеть, на бесосновательность самого поиска основания. Поэтому так же легко представить себе Мейясу как Лейбница, вывернутого на изнанку, как и увидеть в Латуре обличителя, распутывающего текстуру ткани, лицевая сторона которой испита метафизическими противопоставлениями, в то время как на другой её стороне кишит неслыханное множество актантов в различных их смешениях и комбинациях.

Если Новое время конституирует себя в специфически гиперболизированном сомнении, порождая огромную машинерию отсрочек, то сегодня последняя рухнет в перформативном проскакании в перверсивное становление новообразования философии.

«Вернуться» к тому моменту, когда история/история философии вступила на путь, усыпанный парадоксами и противоречиями, значит занять её изнанку, заключив свое перемещение в едва заметное движение, такое, которого достаточно, чтобы, двигаясь по одной стороне плоскости, обнаружить себя на другой, помня при этом, что путь пролегает по ленте Мёбиуса.

Источники и литература

- 1) Лакан Ж. Том 10.
- 2) Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности.
- 3) Мейясу К. Вычитание и Сокращение: Делез, Имманенция, Материя и Память.

- 4) Мейясу К. Дилемма призрака.
- 5) Латур Б. Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии.
- 6) Латур Б. Об интеробъективности.